

Коммуникация: существование и сущность

А. Брудный

В упрощенном представлении коммуникация представляет собой процесс, образованный деятельностью её участников. Стержень этого процесса составляет направленная связь, которая выражается в передаче информации. Отношение субъектов коммуникации друг к другу и её предмету, лежит в основе того, что можно описать как коммуникативную систему. Еще раз замечу, что сказанное упрощено и варьируется. Можно, например, рассматривать участников коммуникации как её субъектов на разных уровнях активности; если мы видим в деятельности *сущность* коммуникации, то переход к её *существованию* происходит путем выбора её конкретных форм. Относительно предмета коммуникации есть разноречие во мнениях: можно видеть в предмете коммуникации Другого, на которого направлена интенция субъекта, а можно рассматривать в качестве предмета коммуникации её содержательную сторону, тему, Umwelt, Mitwelt, одним словом – небезразличный нам мир.

Предмет общения в сущности своей есть встреча различающихся точек зрения на тему коммуникации (собственно сознание всегда подразумевает возможность сопоставления различных взглядов). Многое здесь зависит от тезауруса (в понимании Ю.А.Шрейдера). Иначе говоря, тезаурус составляет основное, хотя на авансцену коммуникации всегда выходит *главное* – направленная связь субъектов.

Наша задача заключается в освещении некоторых аспектов проблемы существования и сущности применительно к проблеме коммуникации. Употребление некоторых терминов, предложенных Лаканом и его школой не будет означать, что наши точки зрения полностью совпадают.

То, в чем люди нуждаются, в основном идентично, что, что человек хочет, главным образом индивидуально. Конечно, то в чем человек нуждается, лежит в основе того, что он хочет, но в процессе существования происходит преобразование необходимого в желанное. Сущность задает спектр возможностей, и это основное; их реализация - это главное. Возможности многообразны и уровни их осуществления различаются: реальность и Реальное не тождественны. Так, сущность и существование звезд – несомненная реальность, и Солнце в сущности своей ничем не отличается от миллиардов других звезд, но его существование для нас – Реальное, главное, желанное¹.

---

¹ Пао-Пао у Сельвинского говорит: я думал что счастье - это огромное Солнце, личное, как золотые часы
(Сельвинский И. Пао-Пао. М., 1933. С. 129)

Разумеется может существовать и реальность без Реального: приводимые С. Жижекком примеры – кофе без кофеина, сигареты без никотина – нарочито тривиальны. Но вспомним «И восходит солнце» Хемингуэя, где мужественный герой как нельзя более реален, но лишен (в результате ранения) мужской силы, причем это лишь метафора основного смысла романа: *passion du reel*, жажда Реального, которой одержимы все его персонажи, в конечном смысле бесплодна. Вообще, коммуникативная компенсация отсутствия – это реальность без Реального, письмо не заменит того, кто его писал, фото того, кто на нем изображен, наше отсутствие на премьере спектакля не заменит его трансляция, как канал «National Geographic» не заменит ни песка пустыни, ни брызг океанской воды. Но вопрос о компенсации отсутствия и *passion du reel* (выражение Ален Бадью) вообще символически характеризует психологическую картину мира, в котором мы существуем, мира, в котором исчезли общие цели, исчез горизонт. Нам требуются подтверждения факта существования мира и мы находим это подтверждение в коммуникации.

Как известно Фрейд развел принцип реальности и принцип удовольствия. При воплощении в жизнь принципа удовольствия во главу угла ставится непосредственный контакт живого существа с другим живым существом, желание одного из них становится желанием другого. Разобщение живых существ – реальность, которой избежать нельзя, и эта реальность возникает не сразу. Мелани Кляйн утверждала даже, что «грудного ребенка не существует», на самом деле существует пара: ребенок-мать. И первоначальный этап коммуникации – это интракоммуникация внутри этой пары. Это потом интракоммуникация уйдет в сновидения, во внутреннюю речь, но первоначально она существует в коммуникативном поле внутри этой пары².

Согласно Дональду Винникотту существуют также транзиторные объекты, которые вписываются в коммуникацию благодаря особому роду отношениям между субъектами. Такого рода отношения существуют, например, между матерью и ребенком и выражаются в том, что мать предлагает ребенку грудь еще до получения от него каких – либо звуковых или иных сигналов³.

Здесь мы приближаемся к пониманию сущности коммуникации как преодоления отсутствия синхронизации существования субъектов.

---

² Строго говоря, помимо интракоммуникации, столь существенной для мышления, имеет место автокоммуникация через посредство «внешних» средств: дневник, автопортрет, а может быть и знаменитая лакановская стадия зеркала.

³ См в этой связи Through Paediatrics to Psychoanalysis. N.Y. Basic Books. 1951

Коснемся в этой связи фильма А. Хичкока «Тень подозрения», который неоднократно обсуждался в мировой и отечественной литературе⁴.

Племянница идет на почту, чтобы послать телеграмму своему любимому дяде, чтобы позвать его приехать и тут «происходит чудо - сообщение о его приезде уже ждет ее. Это действительно случай усиленной коммуникации: отправитель буквально получает свое же собственное послание от получателя (как гласит лакановская формула коммуникации, пусть не в превращенной, а в той же самой форме)»⁵.

Это высшая точка преодоления дистанции во времени и пространстве, полное слияние существования и сущности коммуникации. Не стоит, однако ж, забывать, что происходит это на экране (впрочем, Юнг настаивал, что синхронизм подобного рода реален, хотя и маловероятен).

Реальная коммуникация развертывается пространстве и времени, что включает отточенных ответов вместе с зарождением и развитием сознания над уровнем S – R (стимул – реакция) надстраивается уровень C – R (challenge – response, вызов – ответ), причем вызов предполагает его понимание, а ответ может стать отсроченным. Влияние коммуникации на сознание выражается, в своей основе, отсроченным ответом на вызов, брошенный индивиду реальностью (которая включает и других людей).

Но вернемся к принципу удовольствия, истинная и полная реализация которого есть контакт живого существа с живым существом: малыша с матерью, мужчины с женщиной. Коммуникативная сублимация этого контакта носит знаковый, прежде всего - речевой характер. В сущности, все общество пронизано соединительной тканью знаков: денежные купюры, государственные гербы и флаги, вывески и торговые марки, наконец, просто произносимые слова - все они семиотичны, все они образуют систему опосредованных контактов между людьми.

Общество есть продукт опосредованного контакта.

Реальность может быть преодолена и трансформирована иллюзорно, с помощью знаков, в выражении. Но по-иному обстоит дело, когда противоположность удовольствия и реальности снимается. Это происходит при непосредственном контакте: удовольствие становится реальностью. Мы знаем, что при этом происходит: создается человек. Человек есть продукт непосредственного контакта.

Общение есть факт опосредованного и предпосылка непосредственного контакта.

---

⁴ Здесь «Тень подозрения» впервые упоминается в Ким Р. Путешествии на американский Парнас // Новый мир 1948, 1 с. 219 - 263

⁵ Все, что вы хотели узнать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока). М.: Лгогос, 2004, с. 30

Итак, когда общение переходит в непосредственный контакт, удовольствие и реальность сливаются воедино (Eros) либо, напротив, происходит их окончательный разрыв (Thanatos).

Великий философ XX века Ортега-и-Гассет утверждал: человек есть то, что он есть, и то, чего у него нет, чего или кого ему не хватает.

В свете того, о чем мы только говорили. Eros есть *Aufhebung*, снятие этого великого противостояния: в момент живого и непосредственного контакта человек - *только* то, что он есть, но при этом два человека становятся одним. От коммуникации остается только ее психофизиологическая сущность, и она возвращает мне себя в превращенной форме: Другой (Другая) становится мною. Это ощущение чудесно выразил К.-И. Галчинский

Мы спелись, спаялись, мы счастье и жуть
Нам вместе и сладко и колко,
И ты мой мятеж, поражение, муть,
А я – твои губы и челка⁶.

Но общество, закономерный продукт трудовой деятельности, есть, как уже отмечалось ранее, продукт опосредованного контакта. Не отсюда ли вечность *посредника* в жизни общества? Посудите сами: в бизнесе, торговле обязательно существует посредник между производителем и покупателем - это дилер, купец, приказчик; в церкви неизменно присутствует священнослужитель - это посредник между нами и высшим существом, которое мы чтим; между людьми и небом; в школе постоянно необходим учитель, посредник между знанием и учащимися.

Таким образом, человеку всегда нужен другой человек, а общество помещает между ними посредника, Допустимо предположение, что *он носитель особой формы культуры, культуры коммуникации.*

Культура как "одомашнивание" окружающей нас реальности имеет, как и происхождение человека, глубинные корни в праистории.

Дарвин показал, что человечество есть порождение полового отбора.

По-видимому, игра, культура, свобода имеют своим исходным началом тот же, в сущности, коммуникативный механизм полового отбора, который произвел на свет человека.

---

⁶ Перевод Я. Багрова точно передает смысл сказанного Галчинским См. Galczunski K.I. *Liryka*. Krakow, 1954. s. 51

Коммуникация начинается с обращения. Культура изначально обладает свойством обращенности⁷. Цивилизация порождена обществом и удовлетворяет потребности людей; культура порождается людьми и выражает ценности общества или, что то же, опредмечивает отношения, которые в обществе создаются. Возможно, что опредмечивание содержит в себе какое-то решение (или попытку решения) проблемы человека. Что касается цивилизации, то ее достижения направлены более всего на решение проблемы потребностей человека и форм реализации этих потребностей. При этом культура ориентирована, скорее всего, на индивидуальное развитие сущностных сил личности, достижения же цивилизации имеют тенденцию к массовидности. Не случайно именно средства массовой коммуникации столь серьезным образом повлияли на образ мыслей современного человека отвечая на культурные запросы масс.

Так, если я правильно понял А. Бадью⁸ искусство, наука, политика, любовь через посредство коммуникации трансформируются в культуру, технику, управление, сексуальность.

Духовная сторона творчества, научное открытие, политический замысел и любовь зарождаются во внутреннем мире субъекта, но культура, техника, управление, сексуальность реализуются в коммуникации, существуют для другого, властно требуют взаимодействия с ним.

Постепенно в неполитизированное сознание исследователя прокладывает дорогу мысль, что народ воплощает собой Другого. Недаром говорящие от имени народа (и подчеркивающие это) имплицитно исходят из предпосылки, что воспринимающий их индивид чем-то обособлен от народа. Напротив, те, кто обращаются к нему – народ. Вот обмен репликами:

«А. Дулерайн. Эти люди - продюсеры, редакторы и остальные, которые кроют и шьют телематериалы – они есть народ.

Д. Дондурей. Я говорю о другом – о фабрике производства смыслов(...). Телевидение - очень могущественное средство воздействия на общество. И пока у нас нет семидесяти каналов, оно форматирует людей как угодно.»⁹

---

⁷ В свое время А.Н. Леонтьев говорил, что «искусство, как и культура, существует не для себя, мы должны освободиться от идеи неадресованности искусства – это деятельность, рассчитанная на воздействие своими продуктами». Я спросил, не является ли культура скорее системой правил, на что А.Н. Леонтьев возразил: «а разве правила не существуют через их воздействие?» (3.04.1975, приводится по личным записям автора)

⁸ Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М- СПб, 1999

⁹ Дискуссия между А. Дулерайном, Д. Дондуреем и Дм. Троицким приводится по: Искусство Кино, 2006, 6 с. 92

Еще не известно, помогут ли 70 каналов – имея возможность выбора из 62, я смутно ощущаю, что картину происходящего в мире форматируют 3-4, происшедшего – 1-2 из них; при желании можно отвлечься от происходящего и это возможно имеет в виду Д. Дондурей. Но тут встает другой вопрос – почему фабрики смыслов работают не только продуктивно, но и эффективно?

Ричард Гаррис совершенно прав, полагая, что мэйнстриминг, слияние в едином русле взглядов телезрителя – это эффект *резонанса*¹⁰, возникшего в результате известной степени согласования двух миров существующих на экране и в действительности. Все дело в том, какова степень этой согласованности и сила резонанса. Вполне возможно, что она связана с уровнем размытой экзистенциальной тревоги. Замечу, что «загадка bad news» (почему они неизменно вызывают интерес?) имеют своей основой именно то, что их безусловная достоверность поддерживает экзистенциальную тревогу.¹¹ Несколько иначе обстоит дело с прессой, тем более с литературными произведениями. Здесь резонанс существует, но в разобщенной по жанрам форме. Так, идиотические прогнозы астрологов популярны среди тех, кто ожидает именно прогностического содержания.

Но когда в «Искусстве кино» был опубликован киносценарий Н. Собакарь, где рассказывалось, как готовится террористический акт, целью которого является потрясающий общество эффект, никто на эту публикацию особенного внимания не обратил. Между тем, в ней до Беслана было предсказано, что объектом теракта явится скопление сотен детей в день праздника 1 (!) числа (правда 1 июня, в день защиты детей), что взрывчатка будет по угловым конструкциям зала и т.п. Любопытно, что ведущие персонажи сценария были сотрудники служб безопасности, заглавным героем – террорист¹² и все это казалось, могло привлечь внимание соответствующего круга лиц – но этого не произошло. В точном соответствии с теорией коммуникации сценарий заинтересовал режиссера, киноведа и специалистов по герменевтике: тех, кого занимает вопрос о реализации замыслов на виртуальном уровне – а не о воплощении их в чудовищную действительность. Совершенно аналогично фильмы-катастрофы с пылающими небоскребами, рассказ А.Бестера, в котором вслед за обрушением небоскреба встает огромное облако пыли – все это коммуникативно существовало в мире fiction и за его границы – в реальность – пришло только 11 сентября. В ту реальность, где «большинству не хватает соображения, чтобы бояться – они смотрят телевизор, курят

---

¹⁰ Harris R.J. Cognitive Psychology of Mass Communication. Мэйвей – Лондон, 2004, р. 28-29. Курсив Р. Гарриса

¹¹ См в этой связи Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться// Московский психотерапевтический журнал 2003, 2

¹² Собакарь Н. Постановщик // Искусство Кино, 2002, 8. с 127-173

сигареты, тискают жен, рожают детей, голосуют, выращивают гладиолусы...»¹³ мы недооцениваем могущества этого мира. В нем существует не только интерактивность, но и интерпассивность.¹⁴ Интерактивная коммуникация сосуществует с интерпассивной; субъекты интерпассивной коммуникации – это, например, субъекты *предположительно верящие*, анонимные «смехачи», чей хохот раздается за кадром телевизионных комедий, по большей части бездарных. Мы как бы должны верить, что им смешно и испытывать то же чувство. Противоположная по знаку, но аналогичное по принципу роль принадлежит плакальщикам на традиционных восточных похоронах. Но, если есть люди, смеющиеся или плачущие за нас – и мы им верим – то должны быть и люди знающие *за нас*. Во многих случаях это субъекты доверия, но оно требует подтверждения, в форме трансляции знания. Так Жан Лерон Даламбер обучал математике некоего шевалье, и тот был прилежен. Но однажды он ошеломил Даламбера вопросом «Вы дворянин?». Тот ответил утвердительно. «Вы можете дать мне честное слово, что эти теоремы верны?». Могу, отвечал Даламбер. Ученик протянул ему руку: «Я вам верю. И к чему все эти доказательства». Статус *знающего* был подтвержден социальным (а не интеллектуальным) статусом личности. Произошел сдвиг с предмета общения на субъекта общения.

Заслуживает внимания предположение, что наряду с человеком, предположительно верящим, и человеком, предположительно знающим, типологически имеет место и человек, предположительно существующий, вместе с которым и за которого переживает читатель (и зритель): этот человек – персонаж.¹⁵ В русской, литературоцентрической цивилизации (термин несколько неуклюж, но верен) персонажи литературного произведения, нередко ощущаются читателями не менее реальными, чем сосед по лестничной площадке. Но эта цивилизация рухнула на наших глазах. Ее сменила другая, обогатившая возможности общения, но изменившая его глубинный смысл.

Согласно К. Келли¹⁶, если символом XX века стало расщепленное атомное ядро, символом XXI века стала сеть, переплетение связей, соединяющих все и лишенных центра.

Вероятно, это социальный идеал постиндустриального общества, общества, образованного не столько основным – экономикой, сколько главным – потокам информации. Но, свободный выбор форм коммуникации является необходимым условием плодотворной реализации ее сущности, условием снятия дистанции между свободно существующими людьми.

---

¹³ Бартелми Д. Возвращайтесь, доктор Калигари. М.: Эксмо, 2005. с.45

¹⁴ Жижек С. Интерпассивность // Лакановские тетради. М. 2005 С. 45

¹⁵ Не могу не вспомнить в этой связи проблему квазисубъектов, к которой с живым интересом отнесся А.А. Леонтьев

¹⁶ См Kelly K. New Rules for The New Economy. N.Y.: Penguin books, 1999

По-видимому, общество всегда будет налагать определенные ограничения на выбор. Но торжество коммуникации как свободы (не свободы от общества, но свободы в обществе) неминуемо.

Впрочем, свободный выбор представляет собой проблему. В начале уже упоминалась связь существования с операцией выбора. В экзистенциальном плане они нераздельны. Именно с проницаемым и контролируемым коммуникативным пространством совместимости исследователи связывают «экстаз некоммуникации» сменившим былой «экстаз коммуникации» 60 – 80 гг. Ныне мы всё чаще сталкиваемся «соспазмом коммуникации, гипертрофированной разъединенностью всех и каждого при всенарастающей густоте, плотности и тотальности телекоммуникативных сетей. Распад коммуникативной утопии (изошренно придуманной, изящно популяризированной, и огульно демонизированной теоретиками киберкультуры и новых медиа) был предуготовлен целой серией факторов. Здесь и едва ли осознаваемое постиндустриальным обществом главенство феномена «тотального сервиса», не предусматривающего право произвольного, самостийного выбора»¹⁷.

---

¹⁷ Голынько – Вольфсон Дм. Сетевой мусор или трэш – цивилизация. // Искусство кино 2002, 8. стр. 87 – 88.